

Искушение

*Магии ужасы, сны, чудеса и преданья,
Мощная сила заклятий, виденья полночного часа...*

Гораций

Предисловие переводчика

Есть литераторы, которые пишут много, но остаются в памяти потомков как авторы одной книги. Таков Мэтью Грегори Льюис — романист, драматург, переводчик, поэт, проживший короткую, но насыщенную событиями, яркую жизнь.

Он родился в 1775 г. в Лондоне, в семье чиновника военного ведомства и с детства проявлял склонность к литературе, но его родители расстались, воспитанием сына занялся отец, и он настоял на том, чтобы Мэтью избрал дипломатическую карьеру. Отучившись в престижном оксфордском колледже Крайст-Черч, где изучил несколько языков, он отправился, по обычаю своего времени, мир посмотреть и себя показать, побывал в Париже, поездил по Германии, после чего в 1794 г. получил должность атташе при британском посольстве в Голландии.

Еще во время странствий Льюис начал сочинять песни и пьесы, не имея другой возможности материально поддержать бедствующую мать. Позднее Льюис писал, что служба в Гааге ему быстро наскучила и он взялся писать роман. Ему было девятнадцать лет, и он справился со своей задачей всего за десять недель; это и был «Монах». Льюис писал матери, которая действовала как его литературный агент: «Я так доволен им, что, если книгопродавцы его

не возьмут, издам его своими силами». По возвращении писателя в Англию в конце того же 1794 г., отец снова попытался пристроить Мэтью на чиновничью должность, но не преуспел в этом; а тот продолжал писать. В 1796 г. «Монах» был напечатан, в первом издании — анонимно, на последующих имя автора появилось, и эта ужасающая история о падшем монахе принесла Льюису богатство, славу и прозвище Льюис-Монах. Правда, многие критики осудили Льюиса за аморальность, богохульство и... плагиат. (Об этом мы упомянем ниже.) Делались даже попытки запретить публикацию, но это лишь подогрело читательский интерес.

Критика не помешала Льюису плодотворно работать. Он создавал одну за другой пьесы, которые укрепляли его репутацию «писателя ужасов». Многие годы эти готические пьесы с успехом ставились на сценах Друри-Лейн и Ковент-Гарден, лучших столичных театров. Льюис также упражнялся в поэзии, образцы которой он так удачно вставил в текст «Монаха». В 1801 г. он издал составленную им большую антологию произведений о сверхъестественных явлениях английских (в том числе Вальтера Скотта и Роберта Бернса) и иностранных авторов — «Рассказы о чудесах».

В 1800-е гг. Льюис перенес тяжелые потери: смерть брата, разрыв с отцом, — но продолжал писать и прозу, и стихи, и драмы. Но в 1812 г. настал перелом: вышел в свет сборник стихотворений Льюиса, написанных в сентиментальном духе, и он решил больше прозу не писать. В том же году смерть отца резко переменяла жизненные обстоятельства Льюиса. Помимо прочего, он, будучи противником рабства, унаследовал богатые плантации сахарного тростника и четыре сотни рабов на Ямайке. Правительство Британии в то время, боясь «заражения» английского общества идеями французской революции, отвергало все попытки уничтожения рабства, но Льюис не хотел с этим примириться. Мысли о тяжелом положении невольников заставили Льюиса совершить в 1815 г. нелегкое двухмесячное путешествие до этого далекого острова. В пути он начал вести дневник, в котором дал живое и точное описание жизни на плантациях. Спустя год Льюис вернулся в Европу, но вскоре, уже в 1817 г., продумав систему реформ, вновь отправился на Ямайку. Он продолжал вести дневник, рассчитывая опубликовать его по возвращении на родину.

Этим планам не суждено было сбыться. Уже на борту корабля, держащего курс на Англию, у Льюиса обнаружили симптомы желтой лихорадки, бича тропических стран; болезнь перешла в тяжелую фазу, и 14-го мая 1818 г., в возрасте всего сорока трех лет писатель скончался и был похоронен в море. В последнем письме к матери он упоминает, что сделал все возможное

«для защиты этих бедных созданий [рабов] от злоупотреблений». Он распорядился улучшить условия их жизни и указал в своем завещании, что его наследник должен будет раз в три года проводить не менее трех месяцев на Ямайке, чтобы проследить за исполнением этих распоряжений.

Дневник Льюиса («Заметки вест-индского плантатора») был издан лишь через пятнадцать лет и вызвал горячий отклик у читателей.

Роман «Монах» и эти «Заметки» — произведения в совершенно разных стилях, но оба они внесли весомый вклад в развитие литературы, и не только английской. В отличие от множества прославленных в прошлом сочинений, которые ныне интересуют только историков литературы, «Монах» до сих пор вызывает у читателей живой интерес.

* * *

Нам остается только сказать несколько слов о самом романе. Прежде всего, разберемся с вопросом о плагиате, то есть об умышленном использовании сочинений других писателей. Сам Льюис в предисловии к своей книге пишет так: «Предание о кровавой монахини и сейчас живо во многих областях Германии; мне рассказывали, будто призрак обитает в развалинах замка Лауэнштейн в Тюрингии, и люди его там видели. Баллада о водяном короле — это фрагмент подлинной датской баллады, а история Белермы и Дурандарте взята из сборника старинной испанской поэзии, где можно найти также песню, которая упоминается в романе “Дон Кихот”. Каких-либо других заимствований я не припоминаю; однако не сомневаюсь, что найдется еще много таких, которых я не осознал».

Это признание и честное, и точное. Было бы невероятно, если бы начинающий, хорошо начитанный автор в первом произведении обошелся совсем без влияний и заимствований. Прямая подсказка о них содержится в эпиграфах, с которых начинается каждая глава: в первую очередь это пьеса Уильяма Шекспира «Мера за меру», откуда взят целый сюжетный узел истории Амброзио; мотив «благородных разбойников» — из пьесы «Два веронца»; мотив мнимой смерти героини — из «Ромео и Джульетты». Остальные эпиграфы просто указывают, по обычаю того времени, на обширную литературную эрудицию автора.

В школьные годы Льюис проводил каникулы в родовом поместье своей матери. Это был один из тех старинных домов, где окна и двери раскрываются сами собой и ветер завывает и стонет в печных трубах, где нетрудно поверить в привидения. Как знать, может, именно там Мэтью приобрел склонность к подобным историям?

Конечно же, на Льюиса заметно повлияла традиция готического романа, сложившаяся еще до его рождения. Но это — не плагиат, к тому же «Монах» превосходит более ранние образцы и по сюжетному мастерству, и по оригинальности характеров. Друг Льюиса, великий поэт Байрон так описывал его: «упрямый, умный, чудаковатый, резкий и словоохотливый». (Что касается словоохотливости самого автора, отметим, что нам пришлось убрать многие фразы, многократно повторяющиеся и загромаждающие текст.) Все эти качества в разных сочетаниях присутствуют у персонажей книги. И они получились живыми, психологически достоверными, несмотря на вычурную «готичность» их приключений.

А вот общий фон романа достаточно фантастичен. Льюис написал его вскоре после французской революции, потрясшей всю Европу. Окончательное подавление роялистской контрреволюции произошло в те месяцы, когда роман появился на свет. Начиналось восхождение к власти молодого генерала Бонапарта. Отголоском этих отгремевших трагических событий можно считать только жуткую сцену расправы озлобленных горожан с жестокой аббатисой. А весь испанский антураж, основанный не на личных впечатлениях, а на сведениях из книг, весьма условен, включая и имена ряда персонажей: Лоренцо — по-испански должно быть Лауренсио, Раймонд — Рамон, Агнес — Инес, Матильда и Родольфа — вообще не испанские, Гастон — имя сугубо французское. Фамилия и титул герцога Медина-Сели существуют, но созданный Льюисом образ не имеет ничего общего с реальным носителем того времени. В оправдание автора скажем, что реалистическое изображение действительности не входило в его творческие намерения.

Эта история, страстная и страшная, фривольная и трогательная, напряженная, но порой смешная, не нуждается в длинных толкованиях. Необходимые фактические примечания вы найдете в конце книги.

TOMI

Глава I

*Наш Анджело и строг, и безупречен,
Почти не признается он, что в жилах
Кровь у него течет и что ему
От голода приятней все же хлеб,
Чем камень.*

Уильям Шекспир (1564–1616),
«Мера за меру»,
перевод Щепкиной-Куперник

Нпяти минут еще не прошло, как зазвонил колокол аббатства, а церковь капуцинов [1] уже была набита битком. Не стоит думать, что всю эту толпу привели сюда благочестие или жажда знаний. Таких были единицы; в таком городе, как Мадрид [2], где деспотически властвуют суеверия, бесполезно искать искреннюю веру. Люди сошлись в церковь по разным причинам, но ни одна не имела отношения к этому почтенному мотиву. Женщины явились показать себя, мужчины — поглядеть на женщин: кому-то было любопытно послушать знаменитого проповедника; у кого-то не нашлось лучшего способа убить время до начала представления в театре; кто-то хотел зайти приличия ради, рассчитывая, что свободных мест в церкви все равно не будет; в общем, одна половина Мадрида явилась, чтобы встретиться с другой половиной. Искренне желала послушать проповедь только кучка

престарелых ханжей да поддюжины соперников-ораторов, намеренных придираться к каждому слову проповеди и высмеивать ее. Остальную часть публики отмена проповеди не расстроила бы, да и вполне вероятно, что отмены бы и не заметили.

Так или иначе, в церкви капуцинов никогда еще не бывало такого скопления народа. Каждый угол был заполнен, каждое место занято. Даже статуям, украшавшим боковые приделы, пришлось потрудиться. На крыльях херувимов стайками расселись мальчишки; святые Франциск и Марк несли на плечах по зрителю, а святая Агата терпела тяжесть двоих зевак.

В такой обстановке две вновь вошедшие в церковь женщины, как ни спешили, как ни старались, места себе не нашли.

Правда, старуха продолжала продвигаться вперед. Напрасно сыпались на нее со всех сторон возмущенные возгласы:

— Послушайте, сеньора, здесь мест нет!

— Пожалуйста, сеньора, не толкайтесь так сильно!

— Сеньора, вы здесь не пройдете. Боже, что за беспокойная особа!

Но особа была упряма и не останавливалась. Напористость и крепкие смуглые руки помогли ей пробиться сквозь толпу до самой середины церкви, где она и остановилась, неподалеку от кафедры проповедника. Ее спутница робко, молча пробиравась следом за ней.

— Святая дева! — разочарованно воскликнула старуха, осмотревшись. — Что за жара! Что за давка! Интересно, что все это значит. Думаю, нам придется воротиться: сесть негде, и ни одна добрая душа не спешит уступить нам свое место.

Этот прозрачный намек достиг слуха двух кавалеров, которые сидели на табуретках справа от нее, прислонившись к колонне. Оба были молоды и богато одеты. Призыв к учтивости, произнесенный женским голосом, заставил их прервать разговор и мельком взглянуть в сторону звука. Дама откинула вуаль, чтобы лучше рассмотреть окружающих. Волосы у нее оказались рыжие, а глаза косили. Кавалеры отвернулись и продолжили беседу.

— Непременно, — отозвалась спутница старухи, — мы непременно должны уйти, Леонелла, пойдем немедленно домой; здесь нечем дышать, и меня пугает толпа.

Слова эти прозвучали удивительно напевно. Кавалеры снова прервали разговор, но на этот раз не только взглянули, но и повернулись к их источнику и невольно вскочили.

Соразмерность и изящество фигуры этой женщины пробудили живейшее любопытство юношей; теперь им захотелось увидеть лицо незнакомки, но

их постигла неудача: черты ее скрывала густая кисейная вуаль. Правда, пока дама протискивалась сквозь толпу, складки ткани сдвинулись и открыли шею, гладкую и стройную, как у греческой богини. Ее белизну оттеняли завитки длинных светлых волос, ниспадающих на плечи. Грудь была плотно окутана вуалью. Легкую, воздушную фигурку чуть ниже среднего роста скрывало белое платье, подпоясанное голубым шарфом; из-под подола едва виднелась ножка самых деликатных пропорций. С запястья незнакомки свисали четки с крупными бусинами. Все прочее пряталось под черной вуалью. Младший из кавалеров поспешил уступить свое место чудесному созданию, а его друг счел необходимым оказать ту же услугу ее спутнице.

Старуха рассыпалась в благодарностях, но приняла их жертву без всякого стеснения и сразу уселась. Молодая дама последовала ее примеру, однако ограничилась простым и грациозным реверансом. Дон Лоренцо (так звали кавалера, чье место она заняла) пристроился рядом; но прежде он шепнул пару слов на ухо другу, и тот, уловив намек, принялся отвлекать старуху от ее хорошенькой подопечной.

— Вы, по-видимому, недавно прибыли в Мадрид, — сказал Лоренцо своей милой соседке, — ведь такие прелести не могли бы долго оставаться незамеченными; и если бы сегодняшнее ваше появление в обществе не было первым, зависть женщин и поклонение мужчин давно сделали бы вас знаменитой.

Он умолк в ожидании ответа. Но этот замысловатый комплимент не требовал обязательного отклика, и дама не обронила ни словечка. Кавалеру пришлось начать заново:

— Но я не ошибся, предположив, что вы не уроженка Мадрида?

Дама заколебалась; наконец тихо, еле слышно, она рискнула ответить:

— Нет, сеньор.

— Долго ли вы намерены пробывать здесь?

— Да, сеньор.

— Я почел бы себя счастливым, если бы смог сделать ваше пребывание приятным. Меня хорошо знают в Мадриде, у моей семьи есть деловые связи при дворе. Если я чем-то могу быть вам полезен, оказать вам помощь будет для меня высшей почестью.

«Ну уж теперь, — добавил он мысленно, — она не сможет ответить односложно; она должна что-нибудь сказать мне!»

Лоренцо ошибся: дама ограничилась наклоном головы.

Он уже понял, что его соседка неразговорчива; но чем объяснялось ее молчание — гордостью, скромностью, робостью или глупостью, — он пока решить не мог. Выждав несколько минут, кавалер применил другой прием.

— То, что вы приезжая и незнакомы с местными обычаями, сразу видно, — сказал он, — потому что вы не снимаете вуаль. Позвольте мне снять ее!

С этими словами он протянул руку к кисейной завесе, но дама жестом остановила его.

— Я никогда не снимаю вуаль прилюдно, сеньор.

— И что тут плохого, позволь узнать? — прервала ее старуха резким тоном. — Ты разве не видишь, что все дамы сняли свои вуали ради уважения к этому священному месту? Я тоже, заметь, выставила свое лицо на всеобщее обозрение, а тебе-то чего бояться! О Дева Мария! Сколько волнений и страданий из-за детской мордочки! Ну, давай же, дитя мое! Откройся! Ручаюсь, что люди от тебя не побегут...

— Дорогая тетушка, но в Мурсии не принято...

— Мурсия [3], вот еще! О святая Барбара, что это за чушь? Вечно ты мне надоедаешь упоминаниями об этой деревенской глуши! Как принято в Мадриде, так и нужно себя вести; и посему я требую, чтобы ты сию минуту избавилась от вуали. Слушайся меня, Антония, ты ведь знаешь, что я не выношу, когда мне перечат!

Племянница промолчала, но больше не противилась дону Лоренцо, и тот, пользуясь позволением тетушки, быстро устранил кисейную преграду. Какая чудесная головка открылась его взору! Назвать ее идеально красивой, правда, нельзя было; впечатляла не правильность облика, а общее выражение нежности и чувствительности. Каждая черта ее лица была несовершенной, но их сочетание было обворожительно. На гладкой коже кое-где проступали веснушки; глаза девушки не были велики, и ресницы не слишком длинны. Однако следует упомянуть губы, подобные свежему лепестку розы; пышные волнистые локоны, повязанные простой лентой, которые спускались ниже пояса; руки прекрасной, скульптурной формы и добрые небесно-голубые глаза. Она была вряд ли старше пятнадцати лет, и лукавая улыбка, игравшая на ее губах, свидетельствовала о живости характера, на время подавленной избытком робости. Девушка застенчиво огляделась; как только ее взгляд упал на Лоренцо, она тотчас залилась румянцем, потупилась и стала перебирать четки, но, судя по движениям пальцев, она явно не осознавала, что делает.

Лоренцо смотрел на нее со смешанным чувством восторга и удивления; но тетка сочла необходимым извиниться за неразумную стыдливость Антонии.

— Она так молода, ничего еще не знает о жизни. Она выросла в старом замке близ Мурсии, и никого не было рядом с нею, кроме матери, а у той,

Содержание

Предисловие переводчика	3
ТОМ I	7
Глава I	8
Глава II	30
Глава III	62
ТОМ II	85
Глава IV	86
Глава V	125
Глава VI	143
Глава VII	164
ТОМ III	181
Глава VIII	182
Глава IX	198
Глава X	220
Глава XI	240
Глава XII	266
Примечания переводчика	281